

Гэлбрайт закричал и проснулся в холодном поту в своей постели. Казалось, в его ноздрях застрял этот мерзкий запах, похожий на аромат гниющего мяса и разложившейся падали.

— Я был там при родах...

Инспектор намеренно произнес эти слова громко и отчетливо, чтобы дать понять самому себе, что он больше не спит и действительно находится дома. Однако в этом крике не было особого смысла, потому что его взору открылся знакомый интерьер его квартиры. Вот его одежда висит на спинке стула, вот пульт дистанционного управления лежит на полу рядом с телевизором, а вот окно, за которым уже было светло... Но в голову Гэлбрайта закралась бредовая мысль, что существо из его кошмара не исчезло вместе со сном, но материализовалось где-то в глубине его квартиры...

— Выходи, новорожденный, попробуй сожрать своего акушера! — крикнул он как можно громче.

Но, как он и думал, клейстерный младенец не выполз из-под кровати на своих когтистых лапах, не примчался к нему из соседней комнаты и даже не вырвался прямо из потолка — ибо никогда ещё не было такого случая, чтобы, проснувшись, человек притащил бы в реальный мир обитателей своих снов.

Встав с кровати, инспектор сразу же направился в ванную. Глядя на своё сонное лицо, Гэлбрайту захотелось побриться. Недолго думая, он намылил щёки и взял бритву в руки, однако, как только инспектор поднес лезвие к коже, он тут же почувствовал острую боль. Положив бритву на место, он вымыл лицо и, наблюдая, как из раны на щеке потекла красная струйка, с неудовольствием отметил, что, видимо, ему придется и дальше смущать своих коллег этой щетиной. И как он умудрился так порезаться? Неужели у него совсем сдали нервы после кошмара, раз у него так сильно дрожали руки?

Он вышел из ванны на кухню и вдруг вспомнил, что у него дома нет ни крошки еды. Идти на работу голодным было не вариант... Тогда Гэлбрайт решил пока не идти в свой полицейский участок, а забежать в небольшое заведение, которое располагалось в подвале дома, который находился на другой стороне улицы. Обычно местные жители заходили туда для того, чтобы опрокинуть стаканчик чего-нибудь хмельного и втянуться в группу таких же посетителей, чтобы, размахивая руками, начать дрыгаться под безвкусную музыку, которая лилась из громкоговорителя, подвешенного к потолку. Но всё же, справедливости ради, это заведение славилось не только танцами и выпивкой — там можно было перекусить небольшим количеством чего-нибудь вкусного и, главное, калорийного. По крайней мере, эта сторона данного заведения была хорошо известна самому Гэлбрайту — он не был уверен, что кто-то еще всерьез спустился бы по ступенькам в этот бар за каким-нибудь горячим сэндвичем или небольшой тарелкой салата.

Одеваясь перед выходом на улицу, инспектор продолжал думать о том гротескном существе из своего кошмара. Вспомнив о том, как клейстерный младенец, почувствовав человека, принял охотничью стойку, Гэлбрайт пришёл к выводу, что с высокой долей вероятности это был детеныш какого-то хищника. По-видимому, охотничий инстинкт этого вида был настолько развит, что, фактически, как только они появлялись из утробы матери, эти существа сразу начинали вынюхивать своих потенциальных жертв. Единственное, что было неясно, так это то, как они должны были двигаться.

То, как быстро клейстерный младенец напал на инспектора, было счастливым стечением обстоятельств — жертва находилась очень близко к месту рождения существа, и это

расстояние можно было легко преодолеть прыжком. Но как же оно охотилось во взрослой форме? Хотя Гэлбрайт был слаб в биологии, это не мешало ему считать, что хищнику невыгодно существовать без сильных задних конечностей, потому что необходимо же каким-то образом развивать скорость, дабы догнать убегающую добычу. По-видимому, единственным выходом для этого новорожденного была возможность попасть в руки каких-нибудь сердобольных ученых, которые, обезвредив его на некоторое время, установили бы ему механические протезы ног в его заднюю часть тела. Гэлбрайт нарисовал этот образ в своей голове. Да, подумал он, такому созданию было бы достойно выйти из-под кисти Ганса Гигера...

К тому времени, когда Гэлбрайт уже оделся и вышел на улицу, он, наконец, закончил обдумывать свою, по сути, бессмысленную идею о существе, которое ему удосужилось увидеть во сне. Этим утром солнце ярко светило в небе, на котором не было ни облачка. Было ещё не жарко, но инспектор с удовольствием спустился по ступенькам, ведущим в бар — ему хотелось как можно скорее оказаться там, в подвале с кондиционером (который работал на гораздо более разумном уровне мощности, чем в том продуктовом магазине, где инспектор столкнулся с вором).

Как только Гэлбрайт переступил порог, в уши ему сразу же ударили громкие звуки фортепиано, под аккомпанемент которого жизнерадостный баритон молодого певца с каким-то небывалым упорством распевал о том, что есть нечто большее, чем вечеринка. Инспектор подумал, что владелец заведения, по-видимому, не поддавался веяниям моды, коль ставил для своих гостей песню, которой уже исполнилось восемь лет. Гэлбрайт вспомнил о том, как, когда он впервые прилетел в Америку самолетом (в то время он был голодным и худым студентом), ему повезло услышать музыку этих ребят, которая играла в аэропорту. Тогда он не придавал этому особого значения, хотя и смог запомнить интонацию, с которой невидимый для его глаз певец что-то пел под аккомпанемент какофонии синтезаторов. Зато теперь, будучи инспектором полиции, Гэлбрайту стало казаться, что в текстах песен этой группы скрыто какое-то послание, а в странном сочетании звуков, из которых складывались их мелодии, заключался весь смысл их коллективного творчества...

За круглыми столами, стоявшими в этом подвальном помещении, никого не было. Это было понятно, поскольку большинство людей приходили сюда под конец дня, чтобы потусоваться под музыку с затуманенными глазами, а вовсе не ради того, чтобы перекусить перед работой (чего инспектору и хотелось сейчас). У Гэлбрайта, который тем временем уже приближался к фиолетовым огням стойки, в голове промелькнула мысль «Довольно забавно, что владелец включил такую оптимистичную музыку совершенно пустому залу».

С его длинными ногами инспектору не нужно было вставать на цыпочки, чтобы сесть на высокий трехногий табурет. В прошлом, когда он был ещё крикливым мальчишкой, на уроках физкультуры, во время построения, инструктор часто в шутку хвалил его, говоря «Гордись, парень, ты самый первый в строю!». Такое внимание к его скромной в остальном персоне смущало тогда маленького Гэлбрайта, и он, краснея, не отвечал на шутки подобного рода.

Но те замечательные школьные годы давно прошли, и теперь никому из тех, с кем инспектору приходилось иметь дело, даже в голову не пришло бы сделать ему комплимент в честь его высокого роста. Это навело Гэлбрайта на грустные размышления о том, что школа — ещё не жизнь в обществе, и гораздо точнее было бы сравнить её с теплицей, где, прежде чем быть посеянными в грубую почву реальной взрослой жизни, крошечные ростки будущих людей растут в крошечных горшочках и, согласно расписанию, получают необходимую для них воду (дисциплину) и свет (знания). В детстве Гэлбрайт часто желал того, чтобы система образования претерпела радикальную перестройку, дабы маленьким детям (и в первую очередь ему самому) не приходилось бы сидеть в душном классе за партой, которая портит

осанку, и, под угрозой выставления каких-то непонятных циферок, заниматься бессмысленной тратой бумаги и чернил...

Как только инспектор занял свое место за стойкой, бармен, который, казалось, всё это время дремал, тут же встряхнулся и, доставая стакан, спросил своего первого посетителя за это утро:

— Чего желаете? Может быть, «Браун Хорс»? — он имел в виду местный сорт виски, который бодяжили в подвалах Портленда.

— Нет, спасибо, лучше дайте мне подогретого пива, — устало произнёс Гэлбрайт.

— Минуточку, — ответил бармен.

Сохраняя каменное выражение лица, мужчина отставил стакан и, поставив перед посетителем пивную кружку, достал откуда-то из-под прилавка стеклянную бутылку, до краев наполненную бледно-янтарной жидкостью. Наполнив кружку до краев, он с ловкостью фокусника поставил её в микроволновую печь позади себя. Инспектор не сводил глаз с бармена — он был приятно очарован тем, как грациозно тот двигался, как ловко умудрялся обращаться со всеми этими бокалами, бутылками и прочими атрибутами этого заведения.

— Вот ваш заказ, — сказал бармен, ставя слегка подогретую кружку на стойку перед посетителем.

Гэлбрайт сделал глоток, и в ту же секунду приятное опьяняющее тепло разлилось по его венам. Стараясь осушать кружку как можно медленнее, он начал с наслаждением поглощать алкоголь. Сколько времени прошло с тех пор, как он в последний раз заходил в этот бар, чтобы побаловать себя своим любимым напитком... Внезапно Гэлбрайт вздрогнул. Увлечшись распитием подогретого пива, он совершенно не замечал, что происходит вокруг.

— Простите? — словно вынырнув с глубокого дна на поверхность, удивленно спросил он.

— Не хотите немного перекусить? Сегодня у нас пицца, время подходящее, — услужливо подсказал бармен.

— Пицца? — переспросил Гэлбрайт.

Инспектор, казалось, не понимал ни слова из речи своего собеседника.

— Вы имеете в виду завтрак? — до него наконец дошло. — Да, конечно, дайте мне кусочек.

Бармен кивнул и отступил куда-то за стойку. Гэлбрайт, глядя на почти пустую пивную кружку, вспомнил, с какими целями он вообще с утра пораньше сунул нос в это заведение. Да, утренняя трапеза — это то, что ему сейчас нужно. Не ехать же ему через весь город в свое полицейский участок на пустой желудок...

Ход его мыслей был прерван чьим-то осторожным прикосновением к его плечу. Гэлбрайт, который всё еще не совсем держал себя в руках от голода, медленно повернулся к тому, кто его потревожил. Это был всего лишь официант. Инспектор оглядел его с ног до головы недовольным взглядом.

— Извините, мистер... — тихо сказал молодой человек.

Официанту явно было не по себе от того, что ему пришлось побеспокоить этого мрачного

мужчину, который был почти на две головы выше него самого.

— Ну сего вы там стоите? — добродушно обратился к нему инспектор, поборов своё недовольство.

Гэлбрайт немедленно перестал свирепо смотреть на парня, но тот продолжал слегка дрожать от страха.

— Вы инспектор Гэлбрайт? — нерешительно спросил официант.

— Мы знакомы? — медленно проговорил Гэлбрайт.

Инспектор начал вспоминать, видел ли он раньше этого парня с большим носом и худыми щеками. Каждый раз, когда он приходил сюда, блюда всегда подавал взрослый и худощавый мужчина... Гэлбрайт пришел к выводу, что официант, который стоял перед ним, вероятнее всего был сыном, который, должно быть, вышел сегодня на работу вместо своего отца.

— Нет, мистер, просто один человек просит вас подойти к телефону, — выдохнул парень, произнося свои последние слова.

Инспектор бросил взгляд на стойку — бармена там всё ещё не было.

— Ладно, подождите минутку. Я заказал пиццу, не могли бы вы попросить её завернуть мне с собой? — крикнул он официанту, который уже отходил к дальним столикам.

— Хорошо, я передам мистеру Андерсону, — без тени робости ответил парень, имея в виду бармена,

«Растёт смена», — подумал инспектор о молодом официанте и, мысленно пожелав ему успехов в карьере, направился к телефонной будке. Там было темно — лампочка, висевшая на потолке, вообще не давала света. «Владелец забыл вкрутить новую лампочку взамен сгоревшей», — машинально подумал Гэлбрайт, поднося телефонную трубку к уху. Он немного оглох от музыки, которая играла в главном зале, поэтому, когда он произнёс по телефону деловым тоном «Инспектор Гэлбрайт на проводе», он не сразу услышал тихий голос своего собеседника.

— Кто вы, простите? — переспросил Гэлбрайт.

— Вас беспокоит Сеймур, — раздался из динамика успокаивающий старческий голос

Когда до Гэлбрайта наконец дошло, кем был человек на другом конце провода, его сердце непроизвольно отозвалось на звук этого имени гулким стуком.

— Простите меня, господин главный инспектор, здесь просто плохо слышно, — начал оправдываться он.

В этом телефонном разговоре Гэлбрайт, возможно, впервые за всю свою карьеру полицейского инспектора, позволил себе солгать Сеймuru. Ложь заключалась в том, что на самом деле в телефонную будку из главного зала этого подвального бара не доносилось ни звука. Гэлбрайт позволил себе подобную вольность в разговоре с господином главным инспектором по той простой причине, что ему хотелось оправдать свою собственную невнимательность, сославшись на ситуацию, которая якобы мешала ему.

К счастью для него, господина главного инспектора Сеймура в данную минуту не волновало, в

каких условиях сейчас находился его подчиненный. Он, не дослушав до конца жалкое оправдание Гэлбрайта, обратился к нему со своей просьбой:

— Гэлбрайт, я хотел бы встретиться с вами наедине.

Эти, казалось бы, безобидные слова главного инспектора произвели на Гэлбрайта неожиданное впечатление. На мгновение он почувствовал боль в правом ухе, как будто барабанную перепонку проткнули острием очень тонкой иглы. В его глазах потемнело...

— Принято, господин главный инспектор, — ответил Гэлбрайт, опираясь свободной рукой о стену телефонной будки. — Когда мне...

— Я бы предпочел не откладывать встречу. У вас есть время?

— Я в вашем распоряжении, господин главный инспектор, сейчас только утро.

— Это хорошо, я не хочу откладывать это на завтра. Так вы сможете?

— Да, конечно.

— Отлично. Вы знаете, где я живу?

Гэлбрайту захотелось ответить «Откуда мне это знать?», но он вовремя сдержался от этой нервной вспышки. Но на самом деле, с какой стати ему знать адрес главного инспектора? И, если уж на то пошло, почему бы им не встретиться в полицейском управлении в его кабинете? К чему вся эта конспирация?

— Нет, но я...

Инспектор был готов найти адрес главного инспектора среди вороха бумаг в отделе полицейского участка, но его собеседник не дал ему договорить.

— У вас есть на чем писать?

— Подождите секунду...

Гэлбрайт начал рыться в карманах. Да, вот она, его маленькая записная книжка, которую он доставал в тех случаях, когда ему нужно было записать чей-нибудь домашний номер или адрес.

— Все готово, диктуйте.

Зажав трубку между ухом и плечом, инспектор прижал записную книжку к стене телефонной будки и, достав ручку, приготовился записывать.

— Итак, пишите — Ролло, пятьдесят пять, — начал Сеймур. — Это недалеко от Портлендского государственного университета.

Улица Ролло, пятьдесят пятый дом. Гэлбрайт, стараясь не выронить телефонную трубку, крупными буквами записал этот адрес в свою записную книжку. Выводя последнюю цифру, он услышал, как Сеймур спросил:

— Вы можете приехать немедленно?

Инспектор, закрыв свою записную книжку и положив её во внутренний карман пиджака,

схватил трубку в руки.

— Да, господин главный инспектор, я постараюсь приехать к вам как можно быстрее.

— Может быть, вам будет удобнее через один-два часа? — казалось, будто Сеймур удивился словам собеседника.

— Я могу сделать это в любую секунду.

— Хорошо, Гэлбрайт. Жду вас.

Гэлбрайт забыл попрощаться — господин главный инспектор Сеймур уже закончил разговор. Гэлбрайт вернул телефонную трубку на прежнее место и, поправив галстук, вышел из телефонной будки. Переступив порог, он почувствовал легкое покалывание в глазах — простояв в темноте весь разговор, он несколько отвык от света. В зале бара всё ещё играла музыка. К агрессивным аккордам фортепиано присоединился странный индустриальный скрежет — как будто поезд останавливал своё движение.

Привыкая к дневному свету, Гэлбрайт едва не столкнулся лицом к лицу с молодым официантом. Тот, увидев входящего в зал инспектора, остановился и, легким кивком указав на барную стойку, бодро доложил:

— Пицца готова, забирайте свой заказ.

— Спасибо вам... — Гэлбрайт хотел обратиться к официанту по имени.

— Меня зовут Лоуренс, Лоуренс Уилкокс, — весело сообщил ему парень.

— Мои благодарности вам, Лоуренс. Передайте привет отцу!

— А каково ваше... — теперь парень захотел узнать имя своего собеседника

— Зовите меня просто Гэлбрайт. Ваш отец всегда обслуживал меня в этом заведении.

Гэлбрайт подошел к стойке. На ней лежала четвертинка толстой лепешки, которая была щедро намазана кетчупом. Всё это безобразие было завернуто в пропотевший полиэтиленовый пакет. Приглядевшись повнимательнее, Гэлбрайт рассмотрел тёртый сыр, запеченный при высокой температуре, под которым были спрятаны два кусочка бекона. «Негусто», — подумал инспектор, которому одного вида этой еды было достаточно, чтобы начать корить себя самого за то, что попался на рекламу бармена, который явно пытался всучить своему клиенту товар далеко не первого сорта.

— Сколько я вам за это должен? — Гэлбрайт, не спешивший брать пакет в руки, обратился к скучающему бармену.

Тот взял в руки прайс-лист и начал считать в уме. Инспектор заметил, как у него заметно вздулись вены на лбу. Наконец, бармен назвал покупателю сумму. «Боже мой», подумал Гэлбрайт, «за один несчастный бокал пива (пусть и подогретого) и крошечный кусочек пиццы мне нужно отдать столько же денег, сколько я обычно трачу на покупки в продуктовом магазине». Не то чтобы инспектор был особенно жадным и скуповатым — нет, инспектору просто было немного неудобно платить за еду, на поедание которой уходит пять минут, такую же сумму, как за припасы, которых хватает на три дня. Но ничего не поделаешь, правила рынка — это закон, и как человеку, работающему в полиции, Гэлбрайту это было очень хорошо

известно.

Настроение Гэлбрайта было испорчено. Сердито бросив деньги на стойку, он схватил пропотевший пластиковый пакет и, поднявшись по ступенькам наверх, начал на ходу разворачивать его. Его первое впечатление от этого куска пиццы было верным — этот дешевый полуфабрикат едва поддавался жеванию, и ни один из его компонентов не имел никакого вкуса или запаха. Может быть, дело было в том, что пока инспектор разговаривал по телефону, пицца успела остыть, лежа на барной стойке, но Гэлбрайту не хотелось оправдываться перед самим собой за собственную глупость — раз уж он повелся на рекламу, то пускай получает по заслугам...

Не сбавляя темпа, он покончил со своим завтраком без малейшего чувства аппетита. Скомкав пластиковый пакет, он выбросил его в мусорное ведро, которое случайно оказалось у него на пути, когда он проходил мимо стены здания. Но тут внезапно до его ушей донеслись отголоски какой-то оживленной дискуссии. Смахнув крошки с усов, инспектор свернул с дороги в небольшой переулок. Там, в маленьком уголке, на стоянке стояли две машины — новенький серебристый «Бьюик Скайхок» и невзрачный «Ред Игл Премьер».

Трое афроамериканцев, одетых в какие-то до смешного большие для них яркие костюмы, сгрудились вокруг автомобилей. Глаза у всех троих были спрятаны за огромными черными очками, а их волосы прикрывали белые кепки с козырьками назад. «Это определенно фанаты гангста-рэпа», — подумал Гэлбрайт, который встал так, чтобы не сильно попадаться им на глаза. По какой-то причине ему вдруг стало интересно, о чем эти любопытные люди говорили в этом уединенном месте. Самый высокий из этой банды указал пальцем на толстяка, стоявшего напротив него, и сердито сказал:

— Еще раз назовешь меня «придурком», и я припаркую твою тачку прямо в твоей заднице!

Тот, к кому было обращено это замечание, отстранился и, повернувшись к невысокому мужчине, стоявшему слева от него, тихо сказал ему:

— Приятель, я бы покончил с этим засранцем прямо сейчас.

— У тебя кишка тонка, — хвастливо заявил высокий афроамериканец.

— Мои шары поболее твоих, — спокойно сказал коротышка.

— Ха-ха, деревенская дворняжка под кленовым сиропом! — снова повысил голос самый высокий из банды

После этого замечания говоривший внезапно вытащил сверкающий серебром пистолет из карманов своих широких штанин. Двое стоявших напротив него не заставили себя долго ждать и также достали своё огнестрельное оружие. В отличие от своего противника, у этих двоих друзей были чёрные и компактные кольты.

— Эй ты, как насчет «печенек»? — крикнул тот, что пониже.

— Хочешь «печенек»? — вторил ему его толстый друг.

— Да отсосите вы! — заорал их противник.

«Еще немного, и они перестреляют друг друга из своих пушек», — подумал Гэлбрайт. Представив себе, как эти трое афроамериканцев одновременно падают на землю с дырками в

головах, он громко рассмеялся. Это спасло банду от распри — они, забыв о вражде, все как один повернулись в его сторону. Дула их пистолетов теперь были направлены на инспектора.

— Что этот белокожий мудак себе позволяет? — завопил самый высокий.

— Без сомнения, он просто издевается над нами! — ответил ему коротышка.

Гэлбрайт, посчитав, что сейчас самое время для отступления, не стал тратить много времени на то, чтобы уговаривать самого себя — стараясь не показывать страха под дулом трёх пистолетов, он медленно пошёл вперед по улице. Крики толстяка «Эй, куда пошёл!» всё еще звучали в его ушах, но, как ни странно, никто из этой воинственной троицы не последовал за ним — видимо, они просто хотели отогнать прохожего, помешавшего их разборке.

Убедившись, что трое фанатов гангста-рэпа не собираются следовать за ним по пятам, Гэлбрайт сбавил скорость. Утолив голод, он уже не чувствовал себя таким вялым, как тогда, когда выходил из дома. Теперь он шёл по постепенно сужающейся улице. В его голове возникла мысль, что этот уголок в центре не перестраивался, вероятно, с девятнадцатого века — настолько неухоженными были стены неуклюжих зданий, в которых сияли витрины магазинов.

Инспектор прошел рядом с витриной, за которой стояли женские манекены, одетые в пышные бальные платья, и, пройдя под бетонной аркой, свернул в пустынный проход. Сейчас он не знал, где находится и по какому пути идёт, но после вчерашнего Гэлбрайт решил не связываться с метро — ему всё ещё казалось, что если он пойдет туда снова, то там его будет ждать этот странный человек, который был как две капли воды похож на мистера Йонса, лежавшего в больнице.

Погруженный в свои мысли, Гэлбрайт краем глаза заметил, что в проходе появился ещё один человек. Это был высокий и худощавый мужчина, который постепенно приближался к самому инспектору. У последнего не было времени обращать внимание на случайного прохожего, но чисто инстинктивно он старался удержать человека в своем поле зрения — трудно было понять, был ли это первобытный инстинкт охотника или же привычка, приобретенная во время работы в полиции, но как бы то ни было, Гэлбрайт решил, что лучше не расслабляться — ибо в этом проходе, в котором чем дальше от входа, тем становилось темнее, он почему-то чувствовал себя неуютно.

Прохожий был уже совсем близко. Подняв голову, Гэлбрайт заметил, что тот немного притормозил. Хм, подумал он, с чего бы это... Они одновременно остановились в нескольких шагах друг от друга. Инспектор, пытаясь рассмотреть незнакомца, стоящего в темноте прохода, постепенно перестал думать о вчерашнем происшествии в метро. Что-то было не так с этим человеком, подумал Гэлбрайт. Что заставило его вот так застыть на одном месте? Действительно ли это было неожиданностью, что, кроме него, кто-то еще решил пойти по этому пути, или же тот хотел его о чём-то спросить? Подождав с полминуты, инспектору надоело стоять на одном месте, и он двинулся было вперед, но внезапно носок его лофера наткнулся на что-то невидимое, мешающее ему двигаться дальше.

В следующую секунду Гэлбрайт понял, что этот странный человек был им самим, потому что это было отражение в зеркале, которое с какими-то непостижимыми целями поставили в конец тупика. Но это не успокоило инспектора. Он сделал пару шагов назад и поднял руку вверх, думая, что двойник в зеркале повторит его движения. Однако этого не произошло.

Инспектор внезапно почувствовал то же самое беспокойство в своих кровеносных сосудах, что

и вчера, когда увидел двойника мистера Йонса. Гэлбрайт снова сделал шаг вперед и, пытаясь попасть в мужчину, прикоснулся пальцем к холодному стеклу. Нет, это действительно было всего лишь отражение в зеркале, но почему оно не повторяет его движений, а, кажется, застыло в той же позе, в которой сам инспектор находился минуту назад?

Глядя на этого жуткого двойника, Гэлбрайт внезапно почувствовал, как земля у него под ногами начала дрожать. Что это, неужели началось землетрясение? Не на шутку встревоженный инспектор, мотая головой из стороны в сторону, начал лихорадочно искать выход из ситуации, в которой он оказался. Всё, чего он хотел, это выбраться из этого прохода, но позади него, вместо вида на улицу, виднелась только чёрная тьма — очевидно, Гэлбрайту не следовало даже пытаться идти в том направлении, откуда он пришёл...

Между тем землетрясение становилось всё более и более интенсивным. С обшарпанных стен начала отваливаться старая штукатурка. Гэлбрайту пришлось отступить назад, потому что прямо с потолка упал кирпич, который грохнулся на землю, подняв немного пыли. «Это уже целых семь баллов», — подумал инспектор, оценивая уровень землетрясения. «Если бы только я»... У него не было времени додумать эту мысль — его так сильно трясло, что спокойно строить догадки не представлялось возможным.

В панике нарезая круги по крошечному участку этого прохода, он снова взглянул на зеркало, которое необъяснимым образом не рассыпалось на куски во время этого землетрясения. Фигура его собственного отражения продолжала стоять на том же месте и в той же позе, но Гэлбрайта гораздо больше беспокоило то, что начинало происходить за спиной зеркального двойника — оттуда, с ярко освещенной улицы, внезапно хлынула волна темно-красного цвета. Жидкость чем-то напоминала морскую воду, смешанную с кровью. Гэлбрайт обернулся — позади него не было ничего, кроме полной темноты. Он снова повернулся к зеркалу — там, с хорошо видимой отсюда улицы, огромная волна продолжала приближаться к его двойнику. Что, во имя всего Святого, происходит? Это галлюцинация?

В его мыслях царил хаос. Инспектор больше не пытался делать никаких выводов — он просто метался в этой ловушке, как зверь в загоне. Он снова посмотрел на зеркало и чуть не потерял сознание — волна темно-красной жидкости, которая уже подобралась вплотную к отражению Гэлбрайта, с оглушительным звоном разбитого стекла устремила в сторону самого инспектора. Он почувствовал, как эта вода залила его с головы до ног. Его нос и рот начали наполняться жидкостью, от которой исходил отвратительный запах крови. Стараясь не задохнуться, Гэлбрайт начал отчаянно размахивать руками, словно пытаясь выплыть на поверхность, но он, не в силах сопротивляться силе этой стихии, отдался волне, которая тут же повалила его на землю...

Он очнулся оттого, что чьи-то руки хлопали его по щекам. Ему было трудно открыть глаза — казалось, веки были сведены судорогой. Хорошо, что он хотя бы может пошевелить рукой... Он протянул её куда-то вперед и почувствовал, как кто-то взял его за руку.

— Не могу поверить, что теряю тебя. Или всё-таки нет? — наконец до ушей Гэлбрайта донесся чей-то голос.

Он хотел ответить человеку, невидимому для него самого, но его язык тоже, казалось, онемел. Он попытался пошевелить шеей. Вроде бы все в порядке, позвонки не сломаны...

— Кончай башкой мотать, подымайся давай! — сердито произнёс всё тот же голос.

До инспектора наконец дошло, кому принадлежал этот голос. Гэлбрайт смог открыть глаза и

огляделся — он лежал на земле, возле витрины, за которой стояли те самые манекены в бальных платьях. А над ним склонился его друг, который, заметив, что инспектор наконец пришел в себя, улыбнулся.

— Похоже, ты был не в себе, приятель! — сказал Фаркрафт с некоторым упрёком.

— Прости, что со мной не так? — спросил его Гэлбрайт, медленно поднимаясь на ноги.

— Пойдем в теньке сядем, — проигнорировал Фаркрафт его слова, — а то жара невозможная...

Взяв инспектора за плечи, Фаркрафт направился к ближайшей скамейке. «Странно», — подумал Гэлбрайт, — «когда я проходил здесь еще до этого странного землетрясения, я не видел поблизости ни одной скамейки... Что произошло на самом деле?».

Фаркрафт, казалось, прочитал мысли своего друга и сказал:

— Иду я, значит, по своим делам и вижу, как ты стоишь в переулке и смотришь на каких-то рэперов. Когда ты засмеялся и начал убегать от них, я решил последовать за тобой — мало ли, пришлось бы защищать тебя от этой троицы. И я заметил, что ты свернул в тупик. Ну, думаю, мой друг от страха, не разбирая дороги, пошёл куда глаза глядят. Я иду за тобой и смотрю, как ты бегаешь кругами перед зеркалом, будто собака, которая хочет поймать себя за свой хвост. Подбегаю к тебе, а ты рот раскрыл и глаза зажмурил. Я не смог найти другого способа остановить твоё безумие, кроме как ударить тебя по голове и притащить сюда.

Закончив свой рассказ, Фаркрафт выдохнул и посмотрел на Гэлбрайта.

— Голова-то, надеюсь, не болит? — обеспокоенно спросил его друг.

— Нет, все в порядке, — ответил инспектор, — я просто не мог открыть глаза и пошевелить языком.

— Вероятно, онемение или что-то вроде паралича. Как ты вообще докатился до такого? Может быть, вколол себе чего-нибудь такого, а?

— Иди ты со своими наркотиками куда-нибудь подальше, Фаркрафт, ты же меня знаешь... — с некоторой обидой Гэлбрайт начал оправдываться перед ним.

— Ну а какое ещё есть для этого слово? Или ты действительно хочешь убедить меня в том, что ты настолько сильно испугался тех троих афроамериканцев, что решил спрятаться от них в каком-нибудь тупике и, думая, что тебя там никто не увидит, дать волю своим нервам?

— Я не собираюсь тебя ни в чём убеждать, приятель...

— В таком случае расскажи мне, что ты сам чувствовал в тот момент.

— Клянусь, наркотики не имеют к этому никакого отношения, — начал Гэлбрайт, — я просто вышел из бара и по пути на улицу Ролло случайно прошёл мимо переулка, где трое фанатов гангста-рэпа готовились перестрелять друг друга из-за какого-то пустяка. Я рассмеялся, чтобы отвлечь их от этой мысли, и спокойно пошел себе дальше. И, не зная, что это тупик, вошел в коридор. Но я боюсь, ты можешь не поверить в то, что произошло дальше...

— Я поверю тебе, не волнуйся. Ладно, продолжай.

— Хорошо. В коридоре я подошёл вплотную к зеркалу и вдруг заметил, что мое отражение

никак не реагирует на мои движения. А после этого я почувствовал, что началось землетрясение. Я хотел побежать назад, но позади меня всё было перекрыто какой-то темнотой. А потом из зеркала на меня хлынула волна крови. Задыхаясь, я потерял сознание. Спасибо тебе за то, что ты, как оказалось, следил за мной всё это время.

— Не считай меня своим ангелом-хранителем, приятель. Что ж, неслабый трип ты словил...

— Ты всё ещё думаешь, что это был наркотик?

— Не то чтобы я так думал, просто мне сложно описать твой инцидент по-другому. Ладно, пойдем-ка поскорее отсюда...

Фаркрафт, вытирая руки прямо о свой пиджак, поднялся со скамейки. Вслед за ним, после небольшого колебания, поднялся и Гэлбрайт. Они вдвоём направились к выходу из этого переулочка, приближаясь к дороге, по которой на полной скорости мчались машины. Внезапно инспектор остановился. Заметив озадаченный взгляд своего друга, он ответил:

— Подожди секунду, мне кажется, у меня развязался шнурок на ботинке...

Он опустился на землю, и внезапно до него дошло, что он был обут в лоферы. Боже, почему у него создалось такое чувство, будто на нем новые туфли? Гэлбрайт поднял глаза и внезапно потерял дар речи — Фаркрафт с запрокинутой головой медленно падал на землю. На его белой рубашке были отчетливо видны несколько пулевых отверстий, из которых начала сочиться кровь. Бросившись на помощь своему другу, инспектор заметил проезжавший мимо них черный седан, из окна задней двери которого чьи-то руки в перчатках втягивали в салон длинный ствол оружия, похожего на полуавтоматический пистолет...

Что произошло после этого события, Гэлбрайт уже не помнил из-за охватившего его в тот момент шока, связанного с потерей близкого человека. Кажется, какой-то очкастый парень с вьющимися волосами вызвал «скорую помощь», затем прибыли санитары и положили уже неподвижное тело Фаркрафта на носилки и на глазах у Гэлбрайта увезли его в неизвестном направлении...

Он также вспомнил, что, стараясь не дать волю слезам, медленно шёл куда-то с того места, и какая-то маленькая девочка в голубом платье, из-под которого виднелся розовый свитер, громко сказала «Почему этот дядя плачет?». Он вспомнил, как её отец, чье лицо поразило инспектора необычно длинными скулами, держа дочь за руку, укоризненно сказал ей «Шелби, сколько раз мне тебе повторять — не комментируй прохожих!». Инспектор, которого не на шутку смутили слова из уст малышки, решил сесть в такси, чтобы никто не увидел его слёз...

Несмотря на такое потрясение, он, будучи полицейским, чувствовал, что должен отвечать за свои слова перед старшим по званию, поэтому, устроившись на заднем сиденье такси, Гэлбрайт сказал молодому парню за рулем «Ролло, пятьдесят пять» и, пытаясь подавить воспоминание о застывшем бледном лице своего друга, откинул голову на спинку сиденья (в очень похожем стиле двойника, которого ему посчастливилось вчера увидеть в метро)...

К тому времени, когда таксист привез инспектора к небольшому, но аккуратному одноэтажному дому господина главного инспектора Сеймура, время уже приближалось к вечеру. Гэлбрайт, выходя из такси, на прощание дал водителю чаевые и, подойдя к низкому деревянному забору, нажал на кнопку звонка. Через пару минут ворота открылись, и Сеймур, одетый в неброскую голубую пижаму (из-за чего было трудно поверить, что этот невысокий пожилой мужчина был никем иным, как самым главным инспектором полиции Портленда), впустил гостя внутрь.

Извинившись перед Гэлбрайтом за свой внешний вид — по его словам, он только что проснулся после обеденного сна, — Сеймур проводил Гэлбрайта в гостиную и, указав на два больших кресла, обитых зеленой тканью, пригласил его сесть. Последний не остался в долгу — усевшись в кресло, стоявшее ближе всего к камину, он стал ждать, пока господин главный инспектор достанет из роскошного серванта коробку свежих сигар и бутылку какой-то темно-коричневой жидкости с двумя бокалами.

— Ну что ж, давайте теперь сразу приступим к делу, — жизнерадостно сказал Сеймур, глядя на то, с каким удовольствием гость попыхивал сигарой.

— Итак, что именно поставлено на карту нашей сегодняшней встречи? — Гэлбрайт почти полностью избавился от гнетущего настроения, вызванного инцидентом в тупике.

— Вот это, — господин главный инспектор кивнул на тумбочку, стоявшую по левую руку от него.

Гэлбрайт посмотрел в том направлении повнимательнее — на ней лежала знакомая стопка белых ксерокопированных листов.

— Вы что, хотите, чтобы я процитировал вам наизусть всё, что там написано? — сказал Гэлбрайт с некоторым озорством.

В то же время он сделал еще одну затяжку, не преминув отметить про себя, что эти сигары были определенно превосходны...

— Нет, Гэлбрайт, в этом нет необходимости. Я уже прекрасно знаю этот документ от строки до строки, — ответил его собеседник с некоторой загадочностью в голосе. — Меня больше интересует, что вы думаете о его содержании.

Господин главный инспектор Сеймур внимательно посмотрел на своего гостя. Тому стало немного не по себе. Снова и снова господин главный инспектор смотрит на него так, словно пытается проникнуть в его плоть и кровь и прочитать все мысли... Гэлбрайт потушил сигару и, положив её в пепельницу, которая стояла на маленьком столике, сказал:

— Простите меня великодушно, господин главный инспектор, но я, как бы вам сказать...

Он пытался найти слова, которыми хотел бы выразить свое полное неведение относительно того, что было написано на этих листах руками его друга.

— Итак, что дальше? — Сеймур слегка наклонил голову.

— Я... Я не читал дело Фаркрафта, — выпалил Гэлбрайт.

Он подсознательно приготовился к тому, что за этими его словами последует какое-нибудь наказание. Может быть, Сеймур начнёт ругать его, может быть, просто начнёт упрекать за безответственность... Но, к его удивлению, господин главный инспектор, услышав эти слова, просто закурил новую сигару и, выпустив колечко дыма, сказал миролюбивым тоном:

— Это довольно неплохо. Будет намного лучше, если вы ознакомитесь с этим документом под впечатлением.

— Что? Под каким таким впечатлением? — Гэлбрайт хотел спросить, что Сеймур имел в виду, но тот, разлив жидкость по бокалам, предложил её своему гостю.

— Обязательно попробуйте фруктовый ликер Пиммс. В идеале его следует пить с кусочками фруктов, но я люблю его таким, каким он есть. Я надеюсь, вы оцените его по достоинству..

Гэлбрайт взял бокал и поднес его ко рту. Тонкий запах специй... Да, конечно, господин главный инспектор всякую бормотуху пить ни за что не станет...

— Что-то знакомое... — впервые попробовав новый напиток, Гэлбрайт впал в состояние, близкое к своего рода эйфории.

— Тут английский дух, — подмигнул ему Сеймур, делая глоток.

— Тут Англией пахнет! — Гэлбрайт, которому было трудно описать охватившее его ощущение, пришлось согласился с этим определением.

— Кстати, почему вы решили покинуть свою родину? — вдруг задал неожиданный для своего собеседника вопрос господин главный инспектор.

— Хм, а почему вы спрашиваете меня об этом? — Гэлбрайт в шоке поднял голову.

— Из чувства праздного любопытства, — допив первый бокал, Сеймур уже наливал себе новую порцию.

— Вы что, хотите, чтобы я развлекал вас во время вечернего аперитива? — словно обращаясь к приятелю, сказал Гэлбрайт.

— Я понимаю ваше душевное состояние, — Сеймур решил замять эту тему, — позвольте мне поделиться с вами своими мыслями по делу Фаркрафта. В конце концов, ваш друг был замечательным человеком, и мне всегда было интересно узнать, как он выражал свои мысли на бумаге.

— Был... — пробормотал его гость.

Перед глазами Гэлбрайта снова промелькнули черты лица Фаркрафта за несколько мгновений до его смерти.

— Вас смущает то, что я говорю о вашем коллеге в прошедшем времени? — господин главный инспектор снова окинул своего собеседника пронзительным взглядом.

— Нет, меня всё устраивает, — сказал Гэлбрайт.

Он подумал про себя, успел ли к этому моменту главный инспектор раздобыть информацию о том, что Фаркрафта больше нет в живых.

— Хорошо, — ответил Сеймур, — в таком случае позвольте мне начать.

И, поставив бокал на прикроватный столик, господин главный инспектор начал излагать гостю свои впечатления от прочитанного материала. Своими жестами, интонацией и внешним видом он сильно напомнил Гэлбрайту его учителя философии, лекции которого ему доводилось посещать почти десять лет тому назад...

Следующее утро инспектор встретил в постели в своей крошечной квартирке. Подробности того, как он вчера смог добраться до своего дома по окончании аудиенции в доме господина главного инспектора Сеймура, совершенно вылетели у него из головы. Очевидно, что фруктовый ликер, который они тогда пили вместе, пагубно повлиял на память Гэлбрайта. Встав

с кровати, он подошел к своему столу. Пачка ксерокопии материала расследования его друга лежала на том же месте, куда он бросил её два дня назад.

Глядя на эти листы, Гэлбрайт вспомнил выдержки из вчерашней речи главного инспектора Сеймура. Кажется, тот говорил что-то об экстраординарном таланте Фаркрафта извлекать смысл из вещей, которые любому другому человеку показались бы в той или иной ситуации совершенно неуместными. Кроме того, молодой инспектор произвёл впечатление на Сеймура тем фактом, что всего лишь словами ему удалось описать свои приключения в местах, где произошла смерть этих четверых, таким образом, что главный инспектор, по его собственным словам, оказался там и увидел всё своими собственными глазами, несмотря на то, что ему прежде никогда не доводилось там быть. «Подумаешь, обычный талант писателя», — подумал Гэлбрайт. Он знал, что его друг всегда подавал надежды войти в мир литературы, но, увы, судьба распорядилась его жизнью таким образом, что Фаркрафту пришлось стать инспектором полиции...

И тут, против его воли, глаза инспектора наполнились слезами. Казалось, будто бы он снова наблюдал за тем, как его друг медленно падает на землю, как его лицо, на котором застыло выражение ужаса, бледнеет прямо на глазах, и как перестает прощупываться пульс... Гэлбрайт вспомнил, что его друга увезли на машине скорой помощи, но вот куда именно его поместили и какова была его окончательная судьба, он уже не мог знать, да и не хотел этого — потому что боялся, что если снова увидит холодный труп своего друга, то может сойти с ума от горя. Нет, подумал он, будет намного лучше, если то событие в переулке останется для него последним моментом, связанным с его самым близким другом...

Кстати, по поводу загадочного происшествия в переулке... Инспектор, умывшись и выйдя на кухню, начал анализировать этот момент — неподвижное отражение, землетрясение и кровавая волна... Если верить словам Фаркрафта, то на самом деле Гэлбрайт просто в панике метался в тупике с зеркалом — иными словами, эти видения не были реальными событиями. Рациональный ум инспектора подсказывал ему, что нет смысла пытаться понять сами видения — вместо этого ему нужно докопаться до сути того, что их вызвало.

Поставив кастрюлю с сосисками на плиту, Гэлбрайт решил опираться на то, что сказал ему тогда его друг — а именно наркотики. Инспектор за всю свою жизнь не принимал ни одного препарата, изменяющего сознание, в чём он был уверен так же, как и в том, что дважды два будет четыре. В таком случае, Гэлбрайту нужно было допустить, что существовала вероятность того, что он мог принять психотропный препараты неосознанно. Это могло бы быть возможно, если бы в пищу, которую он ел вплоть до того момента, кто-то незаметно добавил дозу какого-нибудь галлюциногена.

Выдвинув эту гипотезу, Гэлбрайт вдруг вспомнил, как он читал в какой-то книге (если ему не изменяет память, написанной по ту сторону Железного занавеса), что во Франции был случай, когда специалист по борьбе с наркотиками обнаружил гашиш в пирожном, который подавался по нескромной цене в одном ресторане. И что было ещё хуже, до того, как этот случай был раскрыт, гурманы со всего курорта, где находился этот ресторан, покупали это лакомство в течение нескольких лет. Гэлбрайт до сих пор помнил название этого наркотического блюда, приведенное в тексте — «пирожное Икс».

Инспектор невольно начал вспоминать эту книгу. Маленькая, чуть больше его собственной записной книжки, в твёрдом зелёном переплете, под названием «Слово об отдыхе». На её страницах автор отзывался о феномене рекламы как о некоем «детище сатаны», которое якобы совращает простых смертных на путь грехов. Очевидно, подумал Гэлбрайт, это было типичным образом мышления для жителей коммунистической державы — говорить о капитализме так,

как будто это разновидность сатанинской дисциплины.

Слив воду из кастрюли и выложив сосиски на тарелку, Гэлбрайт вернулся к анализу того, что повлияло на вчерашний инцидент в переулке. Итак, наркотики в пище. Что же он тогда ел? Вооружившись ножом и вилкой, инспектор аккуратно нарезал сосиски ломтиками. Вчера он ушел из дома голодным. В баре, куда он зашел позавтракать, он попался на рекламную удочку бармена и заказал пиццу. На деле это оказался отвратительный полуфабрикат, не имеющий ни вкуса, ни запаха. Достойный кандидат на то, чтобы положить туда одну-две таблетки диэтиламида лизергиновой кислоты... Но вот вопрос — с каково такого перепуга бармен это мог бы сделать?

Этот человек хорошо знал Гэлбрайта, который часто посещал его заведение — можно сказать, с самого первого дня, как инспектор переехал жить в дом на Эббаутс-стрит. Неужто и вправду мистеру Андерсону внезапно пришла в голову идея накачать своего клиента наркотиками в тот роковой день? Или даже не только его одного — ведь кто знает, сколько людей после Гэлбрайта могли заказать ту пиццу... Это, думал инспектор, в том случае, если наркотик был добавлен на этапе приготовления пищи — но опять же, с чего бы поварам на хлебозаводе (или в какой-нибудь пиццерии) вдруг ни с того ни с сего подмешивать психотропное соединение прямо в тесто блюда? Хотя, конечно, всякое может случиться в Америке...

Затем мысли инспектора обратились к пиву, которое он также заказал во всё том же баре. Бармен вытащил эту бутылку из-под стойки, что уже тогда показалась Гэлбрайту несколько подозрительным. В отличие от пиццы, в пиво можно было легко добавить щепотку галлюциногена и, подождав, пока он растворится, подать клиенту. Здесь также могло сыграть на руку то, что инспектор попросил подогреть напиток — даже если крупинки вещества всё ещё были видны в холодном пиве, то при нагревании галлюциноген — если он и вправду там был — мог окончательно уйти в жидкость. Но опять же, постоянный клиент и наркотик, это как-то не сочетается...

Съев все сосиски, Гэлбрайт поставил на плиту джеззу — он любил заканчивать завтрак кружкой бодрящего напитка. «Бог с ним, с этим баром», — подумал он. Но как еще гипотетический наркотик мог попасть в его организм? Ему пришла в голову идея, отдающая откровенной шизофренией, что наркотик, изменяющий сознание, находился не абы где, но в том самом графине, который стоял на столе в кабинете господина главного инспектора Сеймура в тот момент, когда Фаркрафт рассказывал о своем расследовании. Бредовость такой гипотезы заключалась в том, что, как считал Гэлбрайт, ещё не был изобретен препарат, который проявлял бы себя не сразу после попадания в организм человека, но лишь только на следующий день, да еще и в очень подходящем для этого месте — в тупике, вдали от посторонних...

Инспектор вовремя снял джеззу с плиты — пена, пузырящаяся из горлышка, чуть не залила горелку. Наполнив маленькую кофейную чашечку до краев, Гэлбрайт стал ждать, пока напиток немного остынет, потому что не было никакого удовольствия обжигать язык, когда главное в кофе (после аромата, конечно) — это его неописуемый тонкий вкус. Гэлбрайту никогда не нравилось пить чай — скажем так, он даже презирал его, называя «травяным отваром для людей без вкуса». Инспектор полез в холодильник за сливками — увы, на дне картонной упаковки не осталось ни капли. Ничего не поделаешь, придется пить пустой кофе, подумал он, бросая пустую упаковку в мусорное ведро, которое стояло под раковиной.

Инспектор окончательно зашёл в тупик в своем анализе того, что привело его к той галлюцинации в переулке. Его чрезмерно рациональное мышление не позволяло ему посчитать это событие за мистическое чудо, и поэтому теория о наркотиках развалилась

подобно стеклянной вазе, упавшей на пол. Гэлбрайт, выпив первую чашку кофе, уже потянулся было за джезвой, чтобы налить ещё одну, но звонок телефона, донёсшийся из соседней комнаты, заставил его встать из-за стола. Он подошел к телефону и снял трубку.

— Алло! Выходите на улицу, внизу вас ждет машина, — торопливо чеканил слова незнакомый ему голос.

— Боюсь, вы совершили ошибку... — недовольно начал Гэлбрайт, который был совсем не рад, что его отвлекли от употребления кофе.

— Никакой ошибки нет, инспектор! — прервал его звонивший. — Диспетчерский звонок из района Паркроуз, говорят, самоубийство. Парамедики уже прибыли на место происшествия и ждут полицию.

— Хорошо, дайте мне минутку, — с этими словами он повесил трубку.

Звонивший не представился Гэлбрайту, но, судя по тому, что он обратился к нему «инспектор», это был человек, явно связанный с полицией, и дальнейшие слова только подтверждали это. Выйдя в коридор, Гэлбрайт сел на табурет и начал надевать лакированные туфли, потому что решил, что ради важного момента стоит надеть обувь, которая производила бы более официальное впечатление, чем лоферы. Вспомнив о кофе, который остывал в джезве, он вздохнул и, выйдя из квартиры, сбежал вниз по лестнице.

У входа стоял знакомый инспектору квадратный седан. Гэлбрайт открыл заднюю дверцу и сел рядом с жизнерадостным и розовощеким доктором. Издав звук полицейской сирены, «Краун Виктория» тронулась с места. Гэлбрайт устроился поудобнее и выглянул в окно — город уже давно проснулся, по улицам бегали дети, ехали велосипедисты, изредка попадались люди с нагруженными тележками... «О да», — подумал он, — «оказывается, пока я вставал, завтракал и пил кофе, все остальные уже давно ушли на работу, и я единственный соня среди всех»...

В машине играла музыка. Гэлбрайт сразу обратил внимание на то, что это была песня с того же альбома, которому было уже восемь лет. Только это был другой трек — если та песня, которая играла в баре, была о вечеринках, то в этой, под аккомпанемент очень устаревших синтезаторов, молодой певец с какой-то нехарактерной вкрадчивой интонацией сообщал своим слушателям, что он, мол, считает свои последние минуты под оранжевым небом. Эта песня устарела, подумал Гэлбрайт, ибо красный гигант, который одним лишь своим существованием наводил ужас на весь капиталистический мир, уже де-факто прекратил своё существование. Инспектор, месяц назад прочитавший в газетах о попытке советского государственного переворота, внутренне понимал, что конец этого напряженного противостояния между двумя сторонами Холодной войны уже не за горами. Америке, Великобритании и другим странам, входящим в Организацию Североатлантического договора, больше не нужно было опасаться, что вот-вот начнется ядерный апокалипсис...

От этих политических мыслей Гэлбрайта отвлекло неожиданное для его ушей «Ноу сэкс», прозвучавшее в тексте песни, звучавшей по радио. Да, по молодости эти ребята писали тексты, которые могли удивить своих слушателей...

— Что, музыка плохая? — доктор, сидящий слева от инспектора, заметил недовольную усмешку своего соседа.

— Нет, песня в целом ничего, только текст её безнадежно устарел, — очнувшись от своего транса, обратился Гэлбрайт к своему собеседнику.

— Я попрошу водителя переключить каналы, — сказал доктор и, не дожидаясь его ответа, повернулся к сержанту Соссюру, который был за рулем.

Теперь вместо музыки из радио раздавалась реклама спрея от насекомых. Диктор перечислял преимущества средства с такой необычайной радостью, как будто перед эфиром надышался веселящим газом.

— Ну что, так уже лучше? — доктор откинулся на спинку сиденья и подмигнул инспектору.

— Честно говоря, мне действительно все равно, — Гэлбрайт посмотрел в окно.

Они уже выехали из города и ехали по шоссе, по бокам которого росли деревья, и лишь редкие дома изредка нарушали монотонность этого пейзажа, перемежаясь редкими столбами электропередач. Было что-то умиротворяющее в созерцании этой красоты, однако в данный момент инспектор не испытывал особого спокойствия.

— Если ты хочешь пить, то я могу тебе помочь с этим, — доктор вытащил из-под сиденья рюкзак и начал в нём рыться.

— Что у тебя там есть такого? — Гэлбрайт, который все еще не мог смириться с тем, что его оторвали от кофе, немного оживился.

— Держи, — собеседник протянул ему блестящий термос.

— Хм, неплохо, — открыв крышку, нос Гэлбрайта ощутил такой приятный для него запах. — С чем кофе?

— С сахаром, просто с сахаром, — доктор, впечатлённый улыбкой инспектора, произнес это с явным удовольствием.

Гэлбрайту, говоря по правде, не очень нравился сладкий кофе, потому что лично он всегда пил его только со сливками и без подсластителей. Но в данной ситуации у него не было выбора. Он положил крышку себе на колени и поднес термос к губам.

— Можешь пить до дна, я очень плотно позавтракал, — сказал доктор, глядя на то, с какой жадностью инспектор глотает жидкость с порыжевшими остатками сахара на дне.

— Большое тебе спасибо, — ответил Гэлбрайт.

Он закрыл термос крышкой — инспектор решил, что будет лучше оставить немного кофе на обратную дорогу. Передав его врачу, Гэлбрайт посмотрел на мужчину, сидевшего рядом с водителем. Он не видел его лица, но, судя по широким плечам, незнакомец явно был человеком с несгибаемой волей.

— Ты не в курсе, кто это такой? — инспектор повернулся к своему соседу.

— Он из Федерального бюро расследований, — сказал врач. Затем он наклонился и прошептал на ухо Гэлбрайту, — Суровый парень, но немного нервный.

Сотрудник ФБР, мимо чутких ушей которого не прошло мимо замечание доктора, обернулся назад. Гэлбрайт увидел высокомерное лицо молодого человека, черты которого, казалось, были высечены из камня. Он, явно сдерживаясь, чтобы не накричать на добродушного доктора, просто свирепо посмотрел на того из-под своих густых бровей. «Да», — подумал Гэлбрайт, —

«этот парень не потерпит комментариев в свой адрес. Как они там в ФБР вообще нанимают людей? У этого парня же совершенно нервы ни к чёрту»...

— Мистер Мэтт Макларен, я бы посоветовал вам воздержаться от критики моей персоны! — услышал Гэлбрайт тот самый голос, который отвлек его от завтрака.

— Надо же было как-то познакомить вас с нашим инспектором, — весело ответил ему доктор, на которого суровый взгляд исподлобья не произвел ровно никакого эффекта.

Мужчина перевёл свой неприятный взгляд на Гэлбрайта, который сидел прямо за ним. Инспектору захотелось грубо сказать ему «Что ты уставился, пацан?», но он подавил это желание. Нет, ему определенно не нравился этот парень в строгом черном костюме и с густыми бровями.

— Мы добрались до места назначения, — вдруг раздался раскатистый бас молодого сержанта Соссюра, сидевшего за рулем.

Они вышли из машины, и Гэлбрайт, расправив складки на своём пиджаке, огляделся по сторонам. После урбанистического вида центра ему было немного непривычно находиться в пригороде — ибо тут не было ни высоких зданий, ни ярких вывесок, ни скопления машин — только редкие одно- и двухэтажные коттеджи, окруженные деревянными заборами, с высокой травой, вытоптанymi дорожками и роскошными зелёными кронами деревьев... Эту сельскую идиллию слегка подпортили машина скорой помощи и пара полицейских седанов, стоявших неподалеку от дома, у которого остановился Соссюр. Очевидно, человек из Федерального бюро расследований, с которым Гэлбрайт приехал сюда, был всего лишь вызван в качестве помощника руководителя службы реагирования, который уже прибыл сюда до них. Гэлбрайт, стоя у машины и глядя на двухэтажный дом, на мгновение вспомнил годы своего детства, проведенные в Глостере. Деревянный дом отца, яблоневые сады, река...

— Давай, дружище, — Мэтт легонько толкнул Гэлбрайта в плечо, — пойдём в дом.

Все четверо переступили порог калитки. Им навстречу выбежала пожилая женщина с белым платком на голове.

— Ух, ну наконец-то профессионал! — радостно воскликнула она при виде фэбээровца.

Гэлбрайт, стоявший плечом к плечу с доктором, посмотрел на то, как мужчина в чёрной куртке, одарив эту деревенскую простушку суровым взглядом, прошел мимо нее. Женщина, казалось, была удивлена таким поведением сотрудника Федерального бюро расследований. Она остановилась как вкопанная, глядя вслед входящему в дом мужчине.

— Вы можете объяснить мне, что именно здесь произошло? — Гэлбрайт обратился к этой женщине.

Та, услышав голос инспектора, перестала смотреть на дом и быстро повернулась к говорившему. Её лицо, изборожденное глубокими морщинами, выражало некоторое недоумение, смешанное с досадой.

— А вы инспектор полиции, насколько я понимаю? — спросила она с некоторой неуверенностью.

Очевидно, для нее было неожиданностью, что Федеральное бюро расследований вместе со своим человеком также прислало обычного полицейского. При первом взгляде на эту женщину

у Гэлбрайта возникло ощущение, что она как будто считает копов хуже фэбээровцев — по крайней мере, так можно было подумать, глядя на её лицо, выражавшее едва скрываемое презрение к тому, кто предстал перед ней в этот самый момент.

— Меня позвали сюда, как и всех остальных, — после небольшого колебания ответил Гэлбрайт.

Под «всеми остальными» Гэлбрайт подразумевал как службу реагирования, так и самого себя, агента ФБР и доктора. Последний, кстати, в это время стоял, уперев руки в бёдра, рядом с ним и с легкой усмешкой смотрел на женщину с платком на голове, которая, впрочем, не обратила на него особого внимания, и только поднесла руки к вискам с глубоким вздохом, как бы набираясь сил. После этого она посмотрела на Гэлбрайта.

— Хорошо, я поняла, — сказала она таким тоном, когда на самом деле ничего не понятно. — В общем, я прохожу мимо дома семьи Йонс и слышу выстрел...

— Думаю, нам следует сесть и обсудить это дело в спокойной обстановке, — перебил её Мэтт.

Женщина, странно посмотрев на доктора, прошла вперед, в дом, и доктор тут же последовал вслед за ней. Гэлбрайт, услышав знакомую фамилию, немного замешкался и в конце концов вошел последним. Они оказались в просторной прихожей типичного загородного коттеджа — вдоль стены стояла скамейка, над которой в несколько рядов висели вешалки с одеждой, на полу лежал ковер, а по углам прихожей были расставлены вазы со свежими цветами.

— Нам снять обувь перед входом в дом? — весело спросил Мэтт.

— На улице сейчас хорошая погода, в этом нет необходимости, — скучающим голосом ответила женщина.

Они вошли в холл. По левую руку находилась лестница, ведущая на второй этаж, справа была дверь, ведущая в гостиную. Что сразу бросалось в глаза, так это большое зеркало в позолоченной раме, которое висело на стене возле порога. Общее убранство дома наводило на мысль, что хозяин был человеком явно не малого достатка. «Итак», — подумал Гэлбрайт, — «вот дом, где все это произошло»...

Его оторвал от размышлений старческий голос — женщина с белым платком на голове начала рассказывать о случившемся.

— Итак, я услышала выстрел и, почувствовав неладное, побежала к Йонсам. Ворота и входная дверь были открыты.

— Вам это не показалось странным? — спросил Гэлбрайт женщину, имея в виду её последние слова о воротах и двери.

— А вы как думаете? — с лёгкой обидой ответила женщина. — Я тут же подумала, что к ним в дом вломились грабители.

— Ладно, продолжайте.

— Я вбегаю в дом, а там, прямо рядом с этим зеркалом, на полу лежала Иветта...

Женщина с белым платком на голове внезапно замолчала. Видимо, эта картина до сих пор стояла у неё перед глазами. Гэлбрайту было нетрудно догадаться, что свидетельница имела в виду миссис Йонс.

- Давайте угадаю — хозяйка дома застрелилась из пистолета? — переспросил её инспектор.
- Верно... — голос женщины дрожал. — Парабеллум, парабеллум лежал на полу перед ней...
- Вы видели след от пули на её теле?
- Я... Я видела кровь, текущую у неё со лба...

Женщина достала носовой платок и приложила его к глазам. Казалось, она вот-вот заплачет.

— Хорошо, мадам... — инспектор ожидал, что она назовет свое имя, но она, казалось, не слышала его слов.

— Ну что, мы так и будем топтаться на месте вокруг да около? — вдруг раздался строгий голос.

Из ванной, расположенной прямо напротив входа в дом, вышел сотрудник ФБР и подошел к троице, столпившейся вокруг зеркала. Гэлбрайт посмотрел на него. Слова агента — а точнее интонация, с которой он их произнес, — показались ему несколько неуместными в данной ситуации. Но свидетельница, услышав его голос, тут же высморкалась и спрятала носовой платок.

— Итак, что вы предприняли после смерти хозяйки этого дома? — продолжал расспросы Гэлбрайт.

— Я сразу же поднялась наверх, где был телефон, — продолжила женщина, — и позвонила в полицию, которые приехали с парамедиками.

— Тело миссис Йонс уже увезли?

— Вы могли увидеть их машину на улице, — несколько грубовато ответила свидетельница.

— Очень хорошо, всё понял.

Внезапно Гэлбрайт почувствовал усталость. Ни с того ни с сего ему вдруг надоело задавать вопросы, как будто всё настроение профессионального инспектора куда-то испарилось. Он повернулся к человеку из Федерального бюро расследований и сказал ему:

— Очевидно, вас тут ждали больше, чем меня, так что я не буду вам мешать.

Агент, до этого спокойно стоявший за спиной женщины, посмотрел на Гэлбрайта каким-то презрительным взглядом и перехватил инициативу инспектора в свои руки — то есть начал с торопливой интонацией задавать вопросы женщине с белым платком на голове. Последней явно было гораздо приятнее с ним общаться, что отчетливо слышалось в её куда более уверенном голосе, чем раньше. Гэлбрайт направился к ванной, чтобы ополоснуть руки и лицо после долгой поездки на машине, но, не сделав и трёх шагов, вдруг замер на месте — он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Всё его тело застыло, словно в оцепенении. Но через пару секунд этот странный паралич прошел. Гэлбрайт повернул голову и посмотрел налево — туда, где была лестница на второй этаж, покрытая ворсистым ковром.

На верхних ступеньках стояла маленькая девочка. Держась левой рукой за резные деревянные перила, она с некоторой опаской смотрела вниз на полицейских, собравшихся в холле. На ней было коричневое бархатное платье с рисунком из оранжевых кружков, заканчивающееся чуть выше её коленок, что придавало фигурке малышки трогательный и домашний вид. Её черные

волосы были уложены с такой элегантной простотой, что Гэлбрайт сразу сделал предположение, что девочка, по-видимому, готовилась отправиться на прогулку, но вид незнакомых мужчин, собравшихся в её доме, заставил малютку застыть на месте в нерешительности.

Женщина с белым платком на голове, которая ранее отвечала на вопросы агента ФБР, заметив девочку, тут же повернулась к ней и улыбнулась.

— Не бойся, это всего лишь полиция, спускайся! — успокаивающим тоном крикнула она ребёнку.

После этого женщина направилась к выходу из дома, бросив через плечо:

— Ну что ж, господа, мне пора идти. Думаю, юная леди может рассказать вам что-нибудь ещё.

Агент ФБР посмотрел ей вслед с явным раздражением. Затем он повернулся к маленькой девочке, которая тем временем уже медленно спускалась по лестнице в холл. Мужчина, скрестив руки на груди, слегка выдвинул носок ботинка вперед и невнятно пробормотал:

— Так-так-так...

Гэлбрайт, заметив некоторую неуверенность на лице человека из Федерального бюро расследований, подумал, что тому, по-видимому, никогда ранее не приходилось допрашивать детей. Тем временем девочка наконец спустилась по лестнице. По её личику было хорошо видно, что она боится подойти ближе. У Гэлбрайта мелькнула мысль, что малышка, по-видимому, никогда не видела незнакомцев в доме. Ну да, о каких ещё гостях может идти речь, если её отец работал фармацевтом...

— Ваше имя? — внезапно тишину прорезал голос агента ФБР.

Маленькая девочка отшатнулась — её, по-видимому, напугало нетерпение, с которым обратился к ней этот высокий, широкоплечий мужчина с суровым лицом. Тот, опустив руки, снова повторил свой вопрос. Нотки недовольства начали нарастать в его голосе. Гэлбрайт, который уже начал испытывать жалость к этому неприятному человеку, решил, что должен прийти ему на помощь, так как в противном случае им не удастся вытянуть из этой девочки ни единого слова.

Инспектор, стараясь ступать как можно медленнее, двинулся в сторону ребёнка. Девочка, переведя взгляд с агента на него самого, начала пятиться назад к лестнице. Гэлбрайт остановился и, стараясь придать своему голосу как можно более мягкую интонацию, обратился к ней:

— Не бойся, милая, мы просто хотим, чтобы ты объяснила нам суть всех вещей. Хорошо?

Малышка, которая минуту назад уже готовилась было взбежать по лестнице, расслабилась при первых звуках баритона Гэлбрайта и даже сделала пару шагов ему навстречу. Инспектор обменялся взглядами с агентом ФБР, как бы говоря ему «Смотри и учись!».

— Ты не скажешь нам, как тебя зовут? — спросил он ребёнка.

Девочка перестала вертеть головой и посмотрела на Гэлбрайта. Её глаза неопределенного тёмного цвета с каким-то хитрым прищуром оглядели инспектора с ног до головы и, как ему показалось, ярко сверкнули. Она слегка согнула колени в реверансе и слегка наклонила

голову.

— Делия, — услышал инспектор её нежный голос.

Сказав это, девочка грациозно откинула прядку чёрных волос, упавшую ей на личико, и улыбнулась инспектору своей очаровательной улыбкой. Услышав её имя, Гэлбрайт невольно вспомнил Фаркрафта — а точнее, его расследование. В конце концов, «Делия» — имя греческого происхождения...

— Послушай, Делия, ты не скажешь нам пару слов о том, как твоя мама, ну, это самое... — начал он.

— Вознеслась на небеса? — внезапно перебила его Делия.

— Хм... — Гэлбрайт был ошеломлен ее замечанием. — Она сама так это тебе сказала?

— Да, — кивнула девочка. — Мамочка взяла папин пистолет и сказала мне не плакать, когда она вознесётся на небеса.

«Господи, что здесь происходит», — подумал Гэлбрайт. «Такое чувство, что я не единственный, кто сошел с ума в последнее время»...

— Ваша мать никогда раньше не возносилась, когда делала себе уколы? — вмешался человек из ФБР.

Делия бросила на него испуганный взгляд.

— Не слушай его, дорогая, он всего лишь шутит, — тут же принялся успокаивать её инспектор.

Гэлбрайт бросил сердитый взгляд через плечо — мол, «Не болтай глупостей, дурак!». Но агент либо не заметил безмолвного сообщения инспектора, либо просто не принял его во внимание. Вместо этого он быстро подошел к Делии.

— Скажите мне немедленно, где ваш отец? — громко спросил мужчина.

Маленькая девочка отступила назад. Агент подошел еще ближе.

— Вы знаете, где он может быть сейчас? — продолжил он, повысив голос.

Гэлбрайт понял, что ему нужно положить этому конец, чтобы не допустить крамолы. Он бросился на агента с ловкостью спортсмена. Тот начал вырываться из цепких рук инспектора, продолжая смотреть на ребёнка.

— Почему вы ничего не говорите? — уже кричал мужчина.

— Полегче, приятель! — сердито прошипел Гэлбрайт ему на ухо. — Если ты не умеешь работать с детьми и только нападаешь на них, тогда оставайся на месте и не вмешивайся. Усвоил?

Делия рассмеялась так, словно стала свидетельницей самой забавной вещи, которая когда-либо могла произойти. На её пухлых щёчках появились ямочки, а её глаза заблестели. Видимо, вид усатого мужчины средних лет, крепко прижимающегося к молодому парню, произвел на неё примерно такой же эффект, как драка между двумя обезьянами в зоологическом саду. В принципе, малышку можно было понять — ведь она, ввиду своего возраста и маленького роста,

ни за что бы не осмелилась напасть на взрослого мужчину, полного жизни и энергии, который возвышался над ней, подобно горе.

Звук её нежного смеха оказал благотворное воздействие на человека из Федерального бюро расследований. Когда Гэлбрайт выпустил его из своих объятий, широкоплечий парень с растерянным видом опустился на скамейку, стоявшую в коридоре. Розовощекий медик Мэтт, всё это время спокойно стоявший у зеркала, ни с того ни с сего вдруг захлопал в ладоши, будто бы он был свидетелем циркового представления.

— Браво, господин инспектор, браво! — восхищенно воскликнул он.

Гэлбрайт не смог удержаться от улыбки, адресованной Мэтту, прежде чем вновь посмотрел на Делию. Девочка перестала смеяться, и её личико приняло спокойное, почти умиротворенное выражение.

— Итак, Делия, у твоей матери был пистолет. Но что она делала до этого? — обратился инспектор к девочке.

Делия посмотрела на Гэлбрайта и поднесла руку к голове, очевидно пытаясь вспомнить, что произошло утром. Примерно через три секунды она ответила:

— До этого мама лежала в постели.

— Вы хотите сказать, что... — начал было агент, но инспектор, погрозив ему пальцем, вновь повернулся к Делии и напярк уши.

— Я подошла к ней и спросила, когда вернется папа. — продолжал ребёнок. — Она сказала, что не знает, и заплакала.

«Все кусочки головоломки начинают складываться воедино», — подумал Гэлбрайт. «Девочка не знала, где был её отец, но её мать уже знала, что тот попал в аварию. Да»...

— Я начала утешать маму, но она попросила меня пойти погулять. Я не хотела оставлять её одну, но послушалась, — рассказала Делия.

— И когда ты вернулась домой? — спросил Гэлбрайт.

— Через полчаса. Я пришла и увидела маму, стоящую перед зеркалом. Я спросила её, что она делает, но она подняла руку с пистолетом к голове.

Услышав это, инспектор не удержался.

— погоди, дорогая, — перебил он её, — минуту назад ты сказала мне, что она тебе что-то рассказала перед этим?

— Когда мама упала, я подбежала к ней и она прошептала мне, чтобы я не плакала, — ответила Делия.

«Что-то не верится мне в это», — подумал Гэлбрайт. «Обычно после выстрела в голову человек не в состоянии произнести ни единого слова»...

— Это правда? — спросил он маленькую девочку.

— Её голос был почти не слышен, но по глазам я поняла, что она хотела мне сказать, —

продолжала малышка.

— Хорошо, Делия.

Инспектор выпрямил спину и задумался о том, что ему делать дальше. Девочка, рассказав ему всё, что знала, теперь просто стояла неподвижно и хлопала своими длинными ресницами.

— У тебя есть родственники в центре? — вдруг осенило Гэлбрайта.

— Родственники? — Делия, казалось, не поняла того, что ей сказали.

— Ну, дядя, тетя, бабушка... — начал перечислять он.

— У меня есть только папа и мама, — резко перебила его девочка.

— Отныне только папа... — мрачно сказал инспектор.

— Кстати, когда он вернётся? — ребёнок немного оживился.

— Он болен, ему нужно подлечиться, — уклонился Гэлбрайт от прямого ответа.

На самом деле, это была чистая правда, ведь сам Гэлбрайт не слышал новостей из Портлендского адвентистского медицинского центра, поэтому он полагал, что её отец уже находился на пути к выздоровлению.

— И когда он поправится? — продолжала спрашивать Делия.

— Я не могу сказать, болезнь у него очень серьезная, — ответил он упавшим голосом.

Инспектор подумал о том, куда же им всё-таки пристроить девочку, чтобы присматривать за ней. Ведь они не могут оставить Делию одну в этом доме, где на её глазах умер близкий ей человек...

Не зная, что делать, инспектор ухватился за последнюю представившуюся ему возможность.

— У тебя есть близкие друзья или одноклассники? — обратился он к Делии.

По какой-то причине этот вопрос смутил девочку. Её щечки покрылись румянцем, и она опустила глаза. Гэлбрайт не был психологом, но подобная реакция навела его на мысль, что девочка была явно влюблена в одного из своих школьных товарищей. Наконец она решилась ответить.

— Нет, — коротко и четко произнесла девочка.

— Совсем никаких? Ладно, не близких, просто знакомых?

— Ну правда нет! — девочка почти кричала.

Лицо Делии внезапно заострилось и приняло выражение недовольства. Она даже топнула ножкой, отчего Гэлбрайт сделал шаг назад.

— Хорошо, Делия, я понял, — успокаивающим тоном ответил он.

Затем инспектор вытянулся во весь рост и повернулся к доктору:

— Дела плохи. Видимо, в это дело придется подключить органы опеки.

— Не смотри на мир так мрачно, — без тени грусти ответил доктор, — мы ведь ещё не отправляли запрос на поиск её родственников. Молодая леди, возможно, не знала о существовании своих двоюродных братьев и сестёр, но это не значит, что она одна в этом мире.

— Ты оптимист, Мэтт, мне это в тебе всегда нравилось, но тут такой случай...

— Ещё не все потеряно, дружище.

— Как хочешь. Но все же, куда нам её поместить до выяснения обстоятельств?

— Ты можешь поговорить с той женщиной, свидетельницей. Мне показалось, что они с девочкой хорошо знали друг друга.

«Хорошая идея», — подумал Гэлбрайт, — «но куда она делась?». Инспектор подошёл к выходу из дома и крикнул молодому сержанту, стоявшему во дворе у ворот:

— Сержант Соссюр, вы не знаете, куда пошла та женщина?

— Какая именно, господин инспектор?

— Ну, с платком на голове...

— Вы имеете в виду Эльзебет Розелье? Она вышла за ворота, и её след простыл.

— Да, лучше и быть не может...

Гэлбрайт обернулся, но Делии в холле не было.

— Мэтт, где ребёнок? — спросил он доктора с озабоченной интонацией.

— Девочка поднялась наверх, — ответил доктор, не замечая состояния инспектора, — она сказала, что хочет переодеться.

— Хорошо, — успокоился Гэлбрайт, — я пока отойду.

Сказав это, он вошел в ванную комнату, совмещавшую в себе ванну и туалет. Сделав свои грязные делишки, он вымыл руки и вышел обратно. За то время, что инспектор провел в ванне, Делия уже успела спуститься в холл и теперь стояла рядом с зеркалом. Мэтт говорил чистую правду — малышка и вправду сменила платье и теперь была одета в синие брюки и бежевую куртку на молнии, под которой виднелась розовая рубашка.

— Куда ты направилась, если не секрет? — Гэлбрайт был немного удивлен её сменой одежды.

Девочка, положив расческу на столик, стоявший у зеркала, отвернулась от своего отражения и посмотрела на мужчину с некоторым удивлением.

— Я что, не пойду с вами? — спросила она, слегка наклонив свою голову на правое плечо.

— Ну, знаешь... — инспектор замялся.

Но тут к Гэлбрайту подошел человек из Федерального бюро расследований. Его словно подменили — теперь этот высокий юноша производил впечатление не сурового полицейского,

но тихого ученика кадетского училища. Он обратился к инспектору с уважением:

— Господин инспектор, пока вы были в ванной, наверху зазвонил телефон. Я поднял трубку и мне было приказано доложить вам, чтобы вы немедленно прибыли в полицейское управление.

— Любопытно... — услышав это, Гэлбрайт снова приготовился к худшему. — Звонивший не представился?

— Нет, но по голосу я определил, что он был в возрасте, — послушно ответил агент.

«Это Сеймур, без сомнений», — с некоторым недовольством подумал Гэлбрайт. «Неужели господину главному инспектору так скучно, что он сначала зовёт меня к себе домой, а потом на следующий день в офис?»

— Принято, — Гэлбрайт подошел вплотную к агенту, — а теперь послушай меня. Если уж мне сейчас приказали идти, то я не смею ослушаться приказов начальства, но я хочу, чтобы ты зарубил себе на носу одну вещь, — при этом Гэлбрайт сжал кулаки, — если в твою глупую башку снова придет мысль наглубить этой девочке, то я клянусь, что я из под земли тебя достану. Понял? — сказал он, гневно сверкнув глазами.

— Так держать, господин инспектор! — ответил агент с такой интонацией, как будто ему сообщили хорошие новости.

— Что ж, свободен, — успокоился Гэлбрайт и разжал кулаки.

Человек из Федерального бюро расследований вышел во двор. Гэлбрайт, вздохнув от облегчения, подошел к прикроватному столику, который стоял рядом с зеркалом. Пока он собирался с мыслями, его взгляд вдруг упал на фотографию, лежавшую там среди глиняных кошечек и искусственных ягод. На этой фотографии были запечатлены все трое из этой семьи — мистер Йонс в строгом чёрном костюме и по его левую руку — миссис Йонс в подвенечном платье. Женщина держала на руках завернутого в пеленки младенца — как сразу понял инспектор, саму Делию. В правом нижнем углу фотографии стояла дата — 20 мая 1981 года. Любопытно, подумал он, оказывается, родители Делии решили расписаться только после её рождения...

Гэлбрайт, не отдавая отчёта в своих действиях, схватил эту фотографию и положил её в карман пиджака. Услышав шаги за своей спиной, он обернулся. Слава богу, это был Мэтт. Доктор, обливаясь потом, обратился к инспектору:

— Этот парень сказал мне, что ты сейчас идешь в полицию, — сказал он несколько усталым тоном, — что ж, удачи тебе.

«Похоже», — подумал инспектор, — «что доктор имел в виду человека из Федерального бюро расследований».

— Спасибо за добрые слова, Мэтт, — проникновенно сказал он.

Гэлбрайт пожал доктору руку и вышел на улицу. Делия стояла у ворот, очевидно, ожидая, когда её посадят в машину. Инспектор, проходя мимо неё, поймал её несколько печальный взгляд. У Гэлбрайта было странное чувство, что он видит эту девочку в последний раз в своей жизни...

— Прощай, Делия, — коротко сказал он, пройдя мимо неё и выходя за ворота.

При этом он проглотил комок, который подступил к его горлу.

— Вы что, бросаете меня? — девочка сделала два неуверенных шага к нему.

— Оставайся здесь, мне нужно в город. Они позаботятся о тебе, — не оборачиваясь, громко сказал инспектор.

«Они позаботятся о тебе... Господи! Если бы только...» У Гэлбрайта не было времени додумать эту мысль, потому что, бросившись вперёд, он чуть не сбил с ног какую-то старую женщину.

— Извините, вы не знаете, как отсюда добраться до центра? — извиняющимся тоном Гэлбрайт обратился к едва не потерявшей сознание женщине.

— Вы что, не местный? — недовольно спросила она. — Вы чуть не убили меня!

Без лишних слов Гэлбрайт показал ей свое полицейское удостоверение. Эта бумага, как по мановению волшебной палочки, сразу же заставила старушку поклониться инспектору.

— Отсюда можно добраться до центра на автобусе, — услужливо объяснила старушка, — вы как раз вовремя...

— Где остановка? — перебил её Гэлбрайт.

Пожилая женщина поправила фартук и начала говорить, моргая глазами.

— Пойдете по этой дороге, — при этом она указала рукой налево, — потом повернете направо, пройдете мимо табачной лавки, а потом прямо. Когда вы упрётесь в бетонный барьер, поверните налево и там будет автобусная остановка...

— Спасибо, — кивнул инспектор и тронулся с места по дороге.

— Вы доберётесь до города примерно через сорок минут! — крикнула ему вслед старушка, но Гэлбрайт уже не слышал её слов.

Когда он добрался до нужного места, то увидел, что автобус стоит на месте, а водитель уже завёл двигатель. Не прекращая бега, Гэлбрайт начал отчаянно размахивать руками, подавая знак. Вскоре он уже стоял посреди кабины, крепко вцепившись в поручень правой рукой. Всё, что он пережил в тот день, перемешалось в его голове — анализ происшествия с загадочной галлюцинацией в переулке, завтрак с кофе и сосисками, песня о ядерной войне, распитие сладкого кофе из термоса Мэтта, разговор с Эльзебет Розелье — соседкой семьи Йонс, преподавание человеку из Федерального бюро расследований урока по поведению и, конечно же, глаза, тёмные и бездонные глаза десятилетней девочки, которые навсегда запечатлелись в его памяти...

Прогремел выстрел. На бумажной мишени для стрельбы с изображением чёрного человеческого силуэта появилось небольшое пулевое отверстие, и в воздух поднялось небольшое облачко дыма.

— Опять мимо! — с досадой сказал Гэлбрайт, опуская пистолет.

— А вы представьте себе, что целитесь не в абстрактную фигуру, но в своего врага, — посоветовал ему Сеймур.

Сказав это, господин главный инспектор прицелился и нажал на спусковой крючок. Раздался

следующий выстрел. Пуля попала в девятый круг.

— Да, мне за вами не угнаться, — устало сказал Гэлбрайт.

Положив свой пистолет на стол, он взглянул на мишень для стрельбы, почти полностью изрешечённую пулями. Господин главный инспектор последовал его примеру. Затем он взял тряпку и, вытирая о нее руки, сказал:

— Послушайте, Гэлбрайт. Я понимаю состояние вашего здоровья и решил пойти вам навстречу.

— А если поконкретнее? — не понял его собеседник.

— Я имею в виду то, что вы должны отдохнуть. До послезавтра никаких заданий не будет.

— Я польщён, но... — инспектор смутился.

— Хотите вы этого или нет, но это необходимо. Мы не машины, Гэлбрайт. Полицейским, как и всем людям, тоже нужен отдых. Я разрешаю вам провести один день так, как вам заблагорассудится.

— Что ж, я не посмею ослушаться вашего приказа.

Он несколько театрально поклонился Сеймуру и направился к выходу с полицейского стрельбища. Уже закрывая за собой дверь, он обернулся. Господин главный инспектор стоял на всё том же месте, продолжая вытирать руки старым полотенцем. Во всей его позе было что-то настолько величественное, что Гэлбрайта внезапно охватил почти священный трепет, и он, засунув руки в карманы пиджака, решительно зашагал прочь из полицейского участка.

Пройдя несколько кварталов, инспектор оказался на проспекте и, взглянув на яркие неоновые вывески, поднял воротник и направился к станции метро — теперь ему было всё равно, встретит ли он там этого странного двойника мистера Йонса или нет. Собственно говоря, поездка в метро прошла без каких-либо происшествий — может быть, тот случай был всего лишь совпадением. Выйдя на нужной станции, Гэлбрайт заметил, что у него кончились сигареты. Не откладывая это дело в долгий ящик, он купил их в киоске, который находился тут же на платформе. Он закурил сигарету и, затягиваясь на ходу, направился в сторону Эббаутс-стрит.

На душе у него было легко и спокойно, как никогда раньше. Гэлбрайт даже почувствовал себя мессией или спасителем, отправленным на заслуженный отдых. Всё, что происходило весь день, по его мнению, было отличным поводом для того, чтобы отправиться в бар — не потому, что там было что-то достойное особого внимания, просто инспектору в данный момент хотелось погрузиться в атмосферу всеобщего веселья. Именно с этой мыслью он спустился вниз по ступенькам.

В этот вечер в подвале, где располагалось заведение, было очень многолюдно — несмотря на то, что к этому времени людей на улицах почти не было, внутри яблоку негде было упасть. Гэлбрайт, который до сих пор отчетливо помнил тот случай с подогретым пивом, решил не экспериментировать с заказом и на автоматический вопрос бармена «Браун Хорс?» утвердительно кивнул головой. Вливая янтарную и отдающую сивухой жидкость в горло, он без особого интереса наблюдал за тем, как тощие парни дрыгаются всеми конечностями под аккомпанемент синтезаторной музыки, доносящуюся из динамика, подвешенного к потолку...

Через некоторое время, которое Гэлбрайт потратил, наполняя себя дешевой выпивкой, он почувствовал себя полностью расслабленным и, уже начав клевать носом, двинулся к выходу из бара. На улице он на пару мгновений вспомнил о Делии и о своих собственных словах, которые он произнёс ей тогда на прощание — «Они позаботятся о тебе». По хорошему, ему следовало бы сейчас позвонить в полицейское управление и спросить о судьбе ребёнка, но, во-первых, было уже слишком поздно, а во-вторых, больше всего на свете инспектору хотелось сейчас лечь спать. Когда Гэлбрайт почти добрался до подъезда своего дома, вдруг начался сильный ливень, и он, щурясь от света фар изредка проезжавших по улице машин, невольно замер на месте, подставляя лицо струям холодной воды.

«На самом деле, было бы очень даже неплохо умереть прямо здесь и сейчас», — подумал Гэлбрайт, отрешённо глядя на тяжелые капли дождя, падающие с неба. «Для меня это намного лучше, чем дожить до старости, ничего не поняв в этой жизни...» Но здравый смысл, смешанный с трусостью, настойчиво подсказывал ему, что нет, умирать стоит только в крайнем случае, он не может сдаться на пустом месте, даже если его душа действительно этого хочет, потому что жизнь — это подарок судьбы, которым нужно пользоваться как можно бережнее...

Когда Гэлбрайт наконец вошёл в свою квартиру, вся его одежда была насквозь пропитана водой. Стянув с ног тесные лакированные туфли, он встал в одних носках перед зеркалом и пристально вгляделся в свое отражение. Ему было трудно узнать себя в этом промокшем до нитки существе, лицо которого под воздействием алкоголя выражало лишь тупое, почти животное безразличие.

— Неужели это я? — сорвалось с губ Гэлбрайта. — Как я дошёл до такого?

Продолжая смотреть в зеркало, инспектор думал о том, как ему, если что-нибудь случится, объяснить о своём состоянии. Не считать же за объяснение тот факт, что накануне целого дня отпуска он решил — вероятно, впервые в своей жизни — напиться до потери человеческого облика? Мало кто воспримет подобную отговорку всерьёз. Хотя, подумал инспектор, это не так уж и страшно — главное не забывать о том, что послезавтра ему нужно будет вернуться к рабочему процессу. В глубине его души вдруг шевельнулось и заныло предчувствие чего-то плохого...

Он ожидал встретить следующее утро с горячей головой, заложенным носом и упадком сил, но каково же было удивление инспектора, когда он проснулся в своей постели совершенно здоровым. Определенно ничто не указывало на то, что вчера он провел вечер под проливным дождем. Гэлбрайт даже специально измерил свою температуру — тридцать шесть и шесть по Цельсию — термометр, в отличие от самосознания, обмануть было невозможно. «Что ж», — подумал он, — «это значит, что один день своего отпуска я проведу в отличной форме».

Садясь завтракать, он подумал, что причина, по которой он не подхватил простуду, заключалась в том, что до этого он выпил в баре по меньшей мере десять стаканов «Браун Хорс» — неудивительно, что при таком количестве алкоголя в его организме простуда просто не могла взять верх. Гэлбрайт вспомнил, что вчерашним вечером он просто сбросил свою мокрую одежду в ванной, даже не потрудившись отжать её. Слава богу, в его гардеробе висел точно такой же строгий костюм — в свое время инспектор специально купил два одинаковых комплекта, понимая, что ему, будучи полицейским инспектором, всегда нужно появляться на публике в манере, внушающей уважение.

Надев новый костюм, от которого исходил лёгкий аромат одеколona, Гэлбрайт посмотрел в зеркало в прихожей — да, теперь никому точно не придет в голову мысль о том, что прошлой

ночью этому суровому усатому мужчине довелось опуститься до уровня самых отвратительных отбросов общества. Он вышел из дома, не имея никакого плана дальнейших действий. Вчерашняя попойка была настоящим «расслаблением» — если это можно было так описать. Гэлбрайт всегда питал отвращение к азартным играм или поиску девочек лёгкого поведения — можно даже сказать, что он приходил в ужас от одной мысли о том, что такое вообще возможно. Поэтому он решил просто прогуляться по городу. Отряхивая пыль с рукавов, инспектор шёл вверх по улице, бесцельно оглядываясь по сторонам и слегка покачиваясь в такт звучащей в его голове песне, которую он слышал ещё в бытность свою студентом Полицейской академии Портленда.

<http://tl.rulate.ru/book/102483/3539630>